

Н. С. Савельев

ДЕТСКИЕ ПОГРЕБЕНИЯ КОЧЕВНИКОВ ЮЖНОГО УРАЛА
СЕРЕДИНЫ I ТЫС. ДО Н. Э.

doi: 10.30759/1728-9718-2019-1(62)-55-62

УДК 903.5(470.5)“638”

ББК 63.442.7(235.55)

В эпоху ранних кочевников только в раннесарматское время (вторая половина — конец I тыс. до н. э.) в курганах хоронили всех или большую часть умерших детей. Для предшествующего и последующего времени характерна крайняя «недопредставленность» детских захоронений, что связано с существованием альтернативных способов погребения умерших детей. Публикуемые комплексы (одиночный курган Юмаш-тау-5 и каменная выкладка Иш-кулово-5, горно-степная зона Южного Зауралья, хребет Ирендык) показывают, что одним из распространенных вариантов захоронения детей являлось сооружение небольших погребальных конструкций, по своим характеристикам не отличающихся от общепринятого стандарта в рассматриваемое время. Их особенностями являются: тенденция к одиночному расположению, приуроченность к террасам рек или невысоким площадкам склонов в пределах долин, наличие рядом, как минимум, нескольких однокультурных курганов и курганных могильников, а также поселенческих объектов (стоянок). Таким образом, детские погребальные сооружения находятся в пределах «жизненного пространства» кочевников. Сложность их нахождения связана с небольшими размерами и малозаметностью, а в случае возведения без использования камня какие-либо внешние признаки полностью отсутствуют. Показано, что на смену такому разреженному (сетевому) размещению детских погребений постепенно, начиная с рубежа V и IV вв. до н. э., приходит практика захоронения детей в курганах — семейных кладбищах. Своего пика эта традиция на Южном Урале достигает в III–II вв. до н. э.

Ключевые слова: савромато-сарматское время, кочевники, детские погребения, Южный Урал

Изучение детской погребальной обрядности и, шире, «археологии детства» кочевников савромато-сарматского времени Южного Урала пока находится в начальной стадии. Н. А. Берсеновой и А. Х. Гильмитдиновой, сделавшими анализ погребений прохоровской культуры (IV–II вв. до н. э.),¹ и А. Х. Гильмитдиновой, рассмотревшей детские погребения Южного Урала всей сарматской эпохи,² было показано, что только для памятников развитого (классического) этапа прохоровской культуры характерно захоронение значительной части умерших детей под курганами, где хоро-

нились и остальные умершие. Для остальных периодов, в том числе и предшествующего (савроматского) времени, фиксируется резкая «недопредставленность» детских погребений. Это позволило А. Х. Гильмитдиновой предположить, что в основном умерших детей хоронили каким-то иным способом, например в межкурганном пространстве.³

В значительной степени общий характер этих наблюдений связан с крайней немногочисленностью в памятниках ранних кочевников Южного Урала самих детских погребений. Так, если к прохоровскому времени со всей степной части региона отнесено 92 индивида с возрастом смерти до 15 лет,⁴ то для Южного Зауралья — всего 10, и относятся они ко всем периодам сарматской истории.⁵ Даже более полный учет детских погребений по ранее исследованным памятникам и публикация новых материалов⁶ вряд ли принципиально увеличат существующую базу по этой территории.

¹ См.: Берсенева Н. А., Гильмитдинова А. Х. Детские погребения ранних кочевников Южного Урала (IV–II вв. до н. э.) // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. 2013. № 2 (21). С. 36–44.

² См.: Гильмитдинова А. Х. Детские погребения ранних кочевников на территории Южного Зауралья (VII в. до н. э. — II в. н. э.) // Этнические взаимодействия на Южном Урале. Челябинск, 2013. С. 135–139; Она же. Палеодемография ранних кочевников Южного Урала (по материалам детских захоронений) // Археология, этнология и антропология АТР. Междисциплинарный аспект: материалы докл. III Регион. (IX Всерос. с междунар. участием) археол.-этногр. конф. студентов, аспирантов и молодых ученых. Владивосток, 2013. С. 175–177.

³ Там же. С. 176, 177.

⁴ См.: Берсенева Н. А., Гильмитдинова А. Х. Указ. соч. С. 38.

⁵ См.: Гильмитдинова А. Х. Детские погребения ранних кочевников... С. 135.

⁶ См.: Федоров В. К., Васильев В. Н. Могильник ранних кочевников Казачий Мар в Восточном Оренбуржье // Этнические взаимодействия на Южном Урале. Сарматы и их окружение: материалы VII Всерос. (с междунар. участием) науч. конф. Челябинск, 2017. С. 148–156.

Савельев Никита Сергеевич — к.и.н., с.н.с. отдела археологических исследований, Институт истории, языка и литературы Уфимского федерального исследовательского центра РАН (г. Уфа)
E-mail: sns_1971@mail.ru

Совершенно иная ситуация с изучением «археологии детства» кочевников сарматского времени сложилась в Нижнем Поволжье. Имея вполне сравнимое количество раннесарматских детских погребений (144) и значительно большее — погребений средне- и позднесарматского времени, волгоградские исследователи смогли создать емкую, многоуровневую и информативную модель половозрастной структуры сарматского населения Нижнего Поволжья II в. до н. э. — III в. н. э.⁷ Несмотря на то что в их работах не учитываются материалы середины I тыс. до н. э., выводы, сделанные исследователями по детской погребальной обрядности, имеют важное методическое значение для всей эпохи ранних кочевников центральной части Евразийской степи. Важнейшие из них следующие:

1. Показатель детской смертности в сарматское время достаточно высокий, но к значениям стандартной популяции он близок только в раннесарматских погребальных комплексах.

2. Вероятно, это связано с традицией хоронить всех умерших детей под курганами. Также известны и отдельные курганы, где детские захоронения преобладают.

3. Для части раннесарматских групп было нехарактерно захоронение младенцев в курганах, т. е. параллельно с общей традицией существовали какие-то локальные варианты детской погребальной обрядности. Данная практика не является уникальной: близкая картина зафиксирована и в курганах саргатской культуры.⁸

4. Абсолютное большинство детских погребений раннесарматского времени приурочено к периферии курганной насыпи; погребения детей в центре кургана — единичные исключения.

5. Более трети погребений младенцев этого времени совершены в насыпях курганов, т. е.

в небольших и неглубоких могильных ямах, не заглубленных в материк; погребения детей младенческого возраста в могилах сложной конструкции совершались в основном в тех случаях, когда в них находились и останки взрослых.

6. В средне- и, особенно, позднесарматское время количество детских погребений в курганах Нижнего Поволжья резко снижается, в части могильников детские погребения отсутствуют, что свидетельствует сначала о нарастающих, а потом и о кардинальных социальных и ценностных изменениях внутри этих кочевых сообществ.

В этих условиях пополнение источниковой базы по детским погребениям имеет высокую ценность, так как позволяет расширить или скорректировать сложившиеся представления о погребальной обрядности этой особой возрастной и социальной группы ранних кочевников. Еще более важно это в отношении детских погребений предшествующего времени (по меткому выражению В. М. Клепикова, «...мы можем... констатировать культурное единство населения, оставившего раннесарматские памятники, закрепленное в традиции до уровня эталона»⁹) и такой слабо изученной территории, как Южное Зауралье.

Публикуемые ниже два детских раннекочевнических комплекса расположены в горно-степной зоне хребта Ирэндык — крайнего восточного хребта Уральской горной страны. Эта территория в середине I тыс. до н. э. плотно осваивалась кочевниками так называемой «ирэндыхско-крыкитинской» группы, имеющей тасмолинские истоки и постепенно влившаяся в состав формирующейся раннесарматской (прохоровской) культуры.¹⁰

Одиночный курган Юмаш-тау-5 выявлен и исследован в 1997 г. Расположен он в 2,2 км

⁷ См.: Балабанова М. А. Хронологические особенности половозрастной структуры сарматских групп Нижнего Поволжья // Вестн. Волгоград. гос. ун-та. Сер. 4. История. 2009. № 1 (15). С. 5–12; Она же. Половозрастная структура и демографические показатели сарматского населения Нижнего Поволжья // Половозрастная структура сарматского населения Нижнего Поволжья: погребальная обрядность и антропология. Волгоград, 2015. С. 116–145; Она же. Морфология детских захоронений ранних кочевников Нижнего Поволжья (по материалам могильников раннесарматского времени) // Нижневолж. археол. вестн. 2017. Т. 16, № 1. С. 62–82; Клепиков В. М. Погребальная обрядность в раннесарматское время // Половозрастная структура сарматского населения Нижнего Поволжья. С. 18–47.

⁸ См.: Шарапова С. В. Биоархеология населения лесостепного Зауралья и Западной Сибири (саргатская культура) // Stratum plus. 2018. № 3. С. 334.

⁹ Клепиков В. М. Указ. соч. С. 33.

¹⁰ См.: Савельев Н. С. Курганы Баишевской долины в контексте культурогенеза ранних кочевников Южного Урала // Раннесарматская культура: формирование, развитие, хронология: материалы IV Междунар. конф. «Проблемы сарматской археологии и истории». Самара, 2000. Вып. 1. С. 41–52; Он же. Каменные курганы восточных предгорий Южного Урала и некоторые вопросы формирования прохоровской культуры // Уфим. археол. вестн. 2000. Вып. 2. С. 17–48; Он же. Горно-долинные ландшафты хребта Ирэндык как фактор сохранения этнокультурных изолятов в эпоху ранних кочевников // Человек в пространстве древних культур: материалы Всерос. науч. конф. Челябинск, 2003. С. 15, 16; Он же. Курган эпохи ранних кочевников Кушалыкуак-1 в восточных предгорьях хребта Ирэндык // Южный Урал и сопредельные территории в скифо-сарматское время: сб. ст. к 70-летию А. Х. Пшеничнюка. Уфа, 2006. С. 92–104.

к северу от деревни Мансурово Баймакского района Башкортостана, на пологом мысу левого берега реки Ургазы (Большая Уртазымка), между двумя ручьями. В 150 м к северо-западу, на соседнем мысу, находится курганный могильник Юмаш-тау-4 (рис. 1, 1). Насыпь кургана представляла собой хорошо задернованную каменную наброску (колотый диабазовый порфирит среднего и мелкого размера) диаметром 3 м и высотой 0,1 м. При расчистке установлено, что надмогильная конструкция близка по форме к квадрату, углы которого ориентированы по сторонам света (рис. 1, 2). Длина каждой из сторон — 2,7 м. На периферии каменной наброски часть уплотненных камней фиксировалась стоящей на ребре. Могильная яма расположена в центре площадки, перекрытой каменной конструкцией. Яма ориентирована по линии север — юг, форма овальная, стенки немного наклонные (рис. 1, 3). Размеры ямы — 0,8 × 0,5 м, глубина в материк (глина с большим содержанием гравия) — 0,3 м, яма была заполнена темно-серым однородным гумусом.

Несмотря на отсутствие находок, курган Юмаш-тау-5 по особенностям погребального обряда может быть соотнесен с расположенным рядом курганным могильником Юмаш-тау-4 (рис. 2, 1–8), с которым он ранее и объединялся

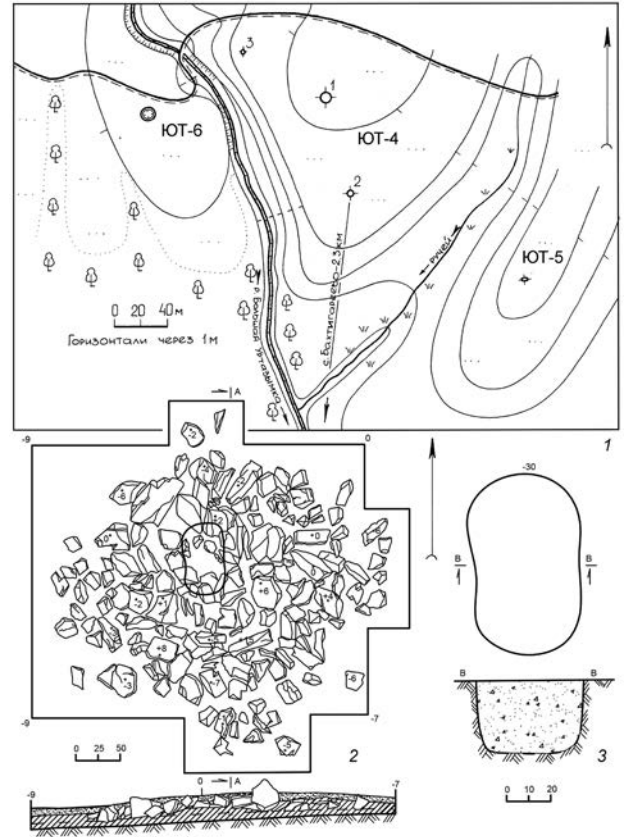

Рис. 1. Одиночный курган Юмаш-тау-5:
1 — ситуационный план (однокультурные памятники: ЮТ-4 — курганный могильник Юмаш-тау-4; ЮТ-6 — стоянка Юмаш-тау-6);
2 — план раскопа и надмогильной конструкции;
3 — могильная яма

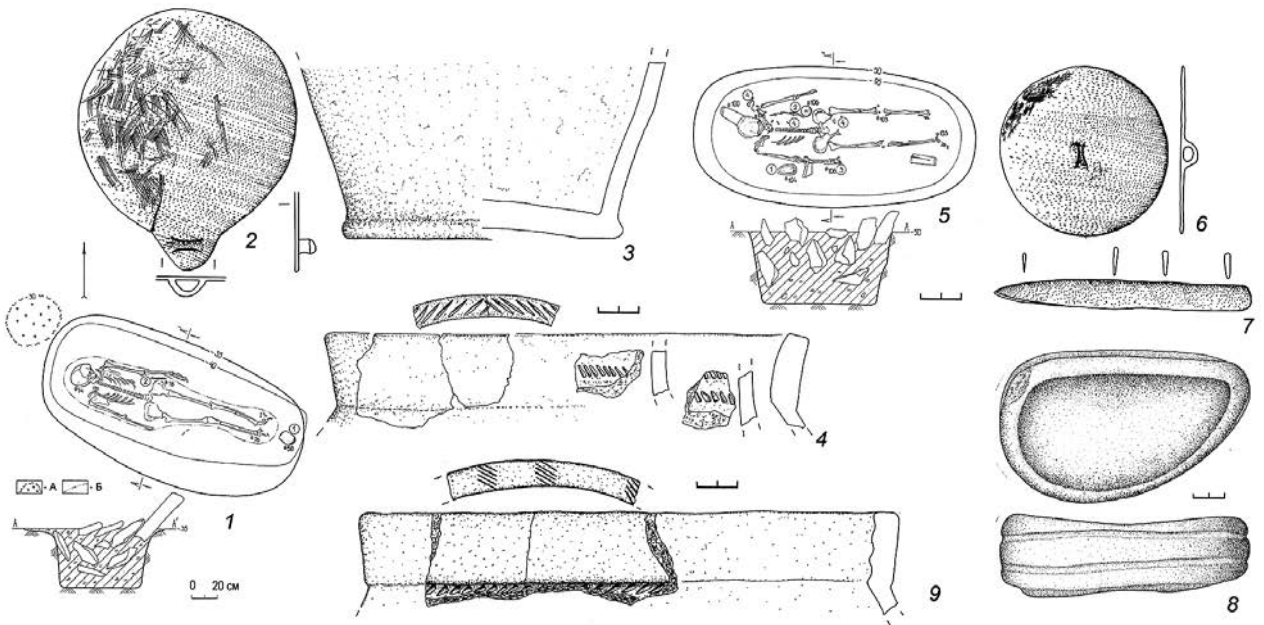

Рис. 2. Урочище Юмаш-тау. Материалы курганного могильника Юмаш-тау-4 (1–4 — курган 1; 5–8 — курган 2) и стоянки Юмаш-тау-6 (9):
2, 6, 7 — бронза; 3, 4, 9 — керамика; 8 — камень

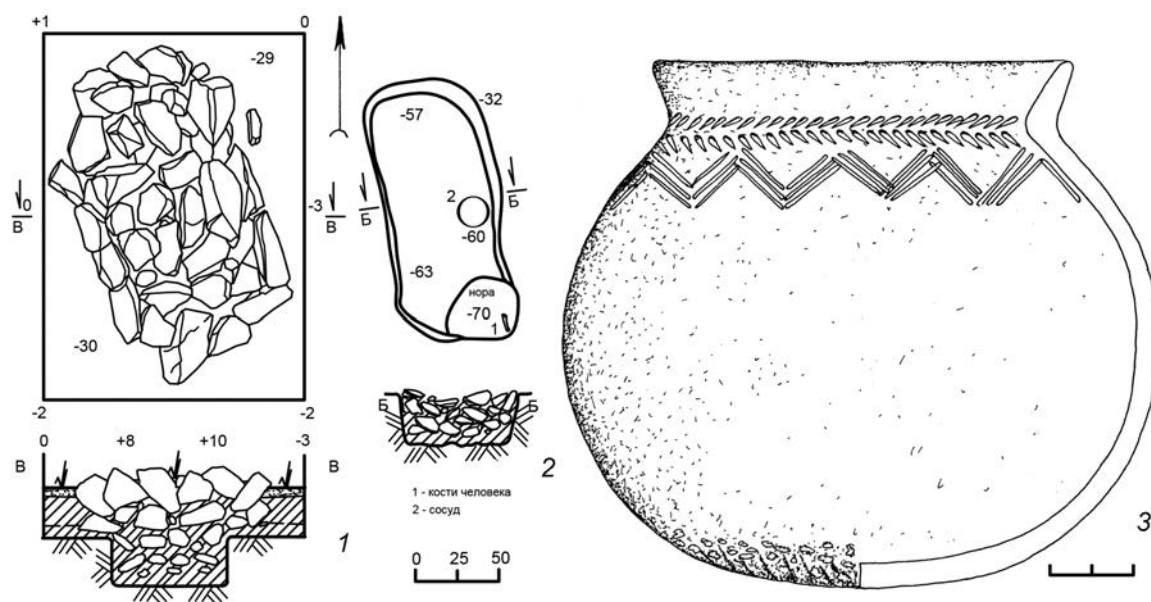

Рис. 3. Каменная выкладка Ишкулово-5:

1 — план раскопа и надмогильной конструкции; 2 — могильная яма; 3 — глиняный сосуд

в один комплекс.¹¹ Оба его кургана датируются в пределах V в. до н. э.¹² Важным признаком является меридиональная ориентировка овальной могильной ямы, что также встречено в кургане Манхар-2, находящемся в 2,5 км к югу от кургана Юмаш-тау-5.¹³ Судя по богато орнаментированной раннесарматской тальковой керамике (так называемой «гафурийской»), происходящей из курганов Манхар-1, Манхар-2 и кургана 1 могильника Юмаш-тау-4, к этой же группе памятников относится и стоянка Юмаш-тау-6 (рис. 2, 9). Расположена на пойменном острове реки Ургаза, в 0,3 км к северо-западу.¹⁴ Все приведенные данные позволяют датировать курган Юмаш-тау-5 V–IV вв. до н. э. без какой-либо детализации.

Каменная выкладка Ишкулово-5 выявлена и исследована в 2000 г. Расположена в 70 км к северу от кургана Юмаш-тау-5, также в горно-степной зоне хребта Ирэндык, на северной окраине деревни Ишкулово Абзелиловского района Башкортостана, на надпойменной террасе левого берега реки Большой Кизил, у подножия большого скального мыса. Размеры выкладки — 2 × 1 м, хорошо задернована, камни выступают над поверхностью не более чем на 0,15 м, вытянута по линии север — северо-

запад — юг — юго-восток. Другие подобные объекты рядом отсутствуют.¹⁵

При раскопках установлено, что выкладка имеет подпрямоугольную форму, сложена из крупных и средних камней (рис. 3, 1). На уровне материковой глины зафиксировано темное пятно могильной ямы, частично забутованной небольшими камнями. Могильная яма неправильно-овальной формы, ее размеры 1,45 × 0,60 м, глубина в материк — 0,25–0,30 м, стенки немного наклонные (рис. 3, 2). Костяк человека не сохранился, о его наличии свидетельствует только найденный в заполнении норы в южной части могильной ямы фрагмент трубчатой кости плохой сохранности, судя по размерам — ребенка. В средней части могильной ямы, у восточной стенки, стоял круглодонный шаровидный сосуд с низкой раструбовидно отогнутой шейкой и примесью талька в тесте (рис. 3, 3). Сосуд орнаментирован пояском горизонтальной елочкой из наклонных каплевидных вдавлений по основанию шейки и тройным резным зигзагом по верхней части тулова.

По форме и ориентировке могильной ямы, а также по типу сосуда, являющемуся одним из наиболее распространенных на начальном этапе раннесарматской культуры Южного Зауралья, данный комплекс может быть датирован IV в. до н. э. Использование камня при сооружении надмогильной конструкции и сама локализация выкладки в горно-степной зоне

¹¹ См.: Савельев Н. С. Курганы Байшевской долины... С. 44. Табл. 1.

¹² Там же. С. 43, 44.

¹³ Там же. Рис. 2, 6.

¹⁴ См.: Свод археологических памятников Республики Башкортостан, выявленных в 1987–2000 годах. Уфа, 2004. № 169. С. 55.

¹⁵ Там же. № 24–26. С. 17, 18.

свидетельствуют о ее принадлежности к пост-тасмолинской ирендыкско-крыктинской группе кочевников. Ближайшие исследованные памятники этого круга расположены на расстоянии 0,7 км к востоку (Мунтаевский курган), 3 км к югу (Тепяновский курган) и 6 км к северо-востоку (Давлетшинские курганы).¹⁶

Учитывая различия в размере могильных ям, можно говорить о том, что в кургане Юмаш-тау-5 (0,8 × 0,5 м, глубина 0,3 м) был погребен младенец,¹⁷ а под каменной выкладкой Ишкулово-5 (1,45 × 0,60 м, глубина 0,25–0,30 м) — ребенок более старшего возраста, возможно 4–6 лет. Оба исследованных комплекса обладают набором характерных черт детских погребений ранних кочевников Южного Урала, впервые подмеченным А. Х. Гильмитдиновой (упрощенность, однообразие, стандартные ориентировки и типы могильных ям, малое количество или отсутствие сопровождающего инвентаря).¹⁸ По рассматриваемым комплексам дополнительно можно отметить приуроченность к невысоким террасам речных долин, наличие вокруг и/или в непосредственной близости однокультурных и хронологически близких курганов, определенную периферийность по отношению к ним и тенденцию к одиночному расположению. Опираясь на наличие связки «детские погребения — курганы умерших взрослых — речные долины — кочевнические стоянки»,¹⁹ можно уверенно говорить о том, что эти детские ко-

чевнические погребения совершались не вне «жизненного пространства сообщества», как это предполагал Л. Бинфорд для эгалитарных обществ,²⁰ а непосредственно в его пределах.

Малозаметность и малоразмерность публикуемых комплексов типологически сближает их с таким кругом объектов горно-степной зоны Южного Зауралья (горный массив Ирендык-Крыкты), как каменные выкладки.²¹ Какая-то их часть, вероятно, датируется поздним средневековьем, но немалое количество может быть отнесено к эпохе раннего железа. И если квадратные и круглые выкладки маркируют места отправления различных ритуалов (часто — на высокогорье), то прямоугольные и овальные (или их часть) являются надмогильными сооружениями. Их отличие от широко распространенных заброшенных мусульманских кладбищ — в одиночности, расположении в совершенно иных топографических условиях (как правило, это средние ярусы возвышенностей и гор, в том числе в небольших внутренних долинах, над малыми водотоками и родниками), в частой приуроченности к одиночным курганам на каменистых сыртах, по всем внешним признакам относящимся к ирендыкско-крыктинской группе кочевников середины I тыс. до н. э.²² Фактически они по радиально-сетевому принципу маркируют уже упоминавшееся «жизненное пространство сообщества», находясь несколько выше (от 10–20 до 100 м) обводненного дна долин, где могли располагаться стоянки кочевников (см. рис. 1, 1).

Публикуемые материалы позволяют еще раз вернуться к вопросу о причинах «недопредставленности» детских погребений в огромном массиве погребений ранних кочевников центральной части Евразийской степи. Невозможно утверждать, что все они совершены в аналогичных малозаметных и малоразмерных конструкциях. Вероятно, в отношении умерших детей у кочевников, как и в любом традиционном обществе, действовали четко осознаваемые (кодифицированные) правила, имевшие при этом значительное количество вариантов.²³ Одним

¹⁶ См.: Савельев Н. С. Каменные курганы восточных предгорий... С. 18–23. Рис. 1–3, 6, 7.

¹⁷ В единственной могильной яме (0,7 × 0,3 м, глубина 0,3 м) одиночного кургана Ашутагы 30 на Тургае (Казахстан) был захоронен ребенок в возрасте 1,5 года (см.: Шевнина И. В., Сеитов А. М. Детское погребение раннего железного века из Тургай // Восхождение к вершинам археологии: сб. материалов Междунар. науч. конф. «Древние и средневековые государства на территории Казахстана». Алматы, 2014. С. 273, 274; Бейсенов А. З., Базарбаева Г. А., Дуйсенбай Д. Б. Детские погребения сакской эпохи Центрального Казахстана // Самар. науч. вестн. 2017. Т. 6, № 1 (18). С. 91).

¹⁸ См.: Гильмитдинова А. Х. Детские погребения ранних кочевников... С. 138.

¹⁹ В последние годы в степях Южного Зауралья (в том числе в горной степи и предгорьях) выявлено достаточно много поселенческих памятников ранних кочевников (см.: Савельев Н. С. К вопросу о поселенческих памятниках ранних кочевников Южного Урала // Уфим. археол. вестн. 1998. Вып. 1. С. 53–58; Он же. Поселения раннесакского времени Южного Зауралья // Сакская культура Сарыарки в контексте изучения этносоциокультурных процессов степной Евразии: сб. науч. ст., посвящ. памяти археолога К. А. Акишева. Алматы, 2015. С. 246–254). Рост их количества в настоящее время ограничен только практически полным сворачиванием разведочных работ на этих территориях. Основной закономерностью расположения кочевнических стоянок является их приуроченность к невысоким террасам малых водотоков, часто — в окруженных горами небольших долинах. Эта же закономерность присуща и публикуемым здесь детским погребениям.

²⁰ Цит. по: Берсенева Н. А. Социальная археология: возраст, гендер и статус в погребениях саргатской культуры. Екатеринбург, 2011. С. 60, 61.

²¹ См.: Савельев Н. С. Малые культовые объекты Южного Урала: от археологии к этнографической современности // Документы и материалы по истории башкирского народа (с древнейших времен до середины XVI в.). Уфа, 2012. С. 128–166, 282, 293, 311–319.

²² Там же. С. 142, 143.

²³ См., напр.: Суворова А. С. Формы погребения бурят // Вестн. Бурят. гос. ун-та. 2012. № 14. С. 160; Берсенева Н. А. Указ. соч. С. 43.

из таких вариантов для ранних кочевников и являлось погребение по стандартному для данного сообщества обряду под одиночными малозаметными надмогильными конструкциями. Стандартность и общепринятость этого варианта подтверждаются наличием в ареале тасмолинской культуры близкого публикуемым малоразмерного кургана Ашутасты 30. Существование «стандартного» и «альтернативного» вариантов захоронения детей ранних сармат Нижнего Поволжья и населения саргатской культуры лесостепи Западной Сибири было также зафиксировано М. А. Балабановой²⁴ и С. В. Шараповой.²⁵ Именно поэтому предположение Н. А. Берсенева о возможном наличии у саргатского населения грунтовых могильников, которые в ландшафтном отношении могли располагаться совершенно иначе, чем курганы,²⁶ и предположение А. Х. Гильмитдиновой, допускавшей наличие у кочевников савроматского времени детских погребений в «межкурганном» пространстве,²⁷ находят дополнительные подтверждения.

Важнейшей характеристикой публикуемых комплексов и части памятников (не более 10–15 % от общего числа) восточного фланга кочевников Урало-Поволжья середины I тыс. до н. э. является использование камня для возведения надмогильных конструкций, что позволяет фиксировать даже самые небольшие объекты на поверхности. В остальных 85–90 % случаев, т. е. при возведении дерновых надмогильных сооружений (основная часть «савроматских» и раннесарматских курганов),²⁸ «детские» курганы за одно-два десятилетия полностью нивелируются и до нашего времени доходят в виде «грунтовых» погребений. Учитывая тенденцию к их одиночному разреженному (сетевому) расположению, практически полное отсутствие

инвентаря и то, что далеко не всегда сохраняются кости, мы имеем весомые основания для сомнений в возможности массового или серийного нахождения таких объектов.²⁹ Так, только благодаря наличию камня в конструкции на берегу малого водотока в Восточном Оренбуржье была найдена одиночная «выкладка» с коллективным кочевническим погребением IV–III вв. до н. э. По мнению автора исследований, первоначально эта конструкция представляла собой плоскостную имитацию порталного купольного мавзолея.³⁰

В заключение необходимо отметить следующее. Фиксируемая единичность и крайняя редкость детских захоронений кочевников Южного Урала середины I тыс. до н. э. — не столько следствие недостаточной исследованности памятников этого времени, сколько объективная реальность. Та же картина характерна и для Центрального Казахстана: для всей тасмолинской культуры известно всего 9 детских погребений.³¹ Начавшийся на рубеже V и IV вв. до н. э. в обществе кочевников Южного Урала (с памятников «филипповского круга») процесс гигантских социальных преобразований, выразившийся в унификации материальной культуры и погребальной обрядности, к III–II вв. до н. э. привел к их полнейшей стандартизации. Раннесарматское общество превращается в «благополучную» среднестатистическую палеопопуляцию,³² в которой все дети (или их большинство) погребаются в курганах, которые становятся семейными кладбищами.³³ Комплексы Юмаш-тау-5 и Ишкулово-5 наглядно показывают масштаб ценностных трансформаций (в данном случае — связанных с отношением к детям и детству), происшедших в обществе кочевников Южного Урала не более чем за 150–200 лет.

²⁴ См.: Балабанова М. А. Хронологические особенности половозрастной структуры...

²⁵ См.: Шарапова С. В. Указ. соч.

²⁶ См.: Берсенева Н. А. Указ. соч. С. 45, 46.

²⁷ См.: Гильмитдинова А. Х. Палеодемография ранних кочевников... С. 177.

²⁸ Например, в могильнике Филипповка-1 какие-либо каменные элементы конструкций отсутствовали (см.: Пшеничник А. Х. Филипповка: Некрополь кочевой знати IV в. до н. э. на Южном Урале. Уфа, 2012).

²⁹ См.: Берсенева Н. А. Указ. соч. С. 44–46.

³⁰ См.: Бытковский О. Ф. Среднеазиатский «след» в погребальном обряде ранних кочевников Южного Урала (по материалам Свистунского I могильника) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов, 2012. № 7 (21): в 3 ч. Ч. 2. С. 38–44.

³¹ См.: Бейсенов А. З., Базарбаева Г. А., Дуйсенбай Д. Б. Указ. соч.

³² См.: Балабанова М. А. Половозрастная структура... С. 122.

³³ См.: Она же. Хронологические особенности половозрастной структуры... С. 8; Берсенева Н. А., Гильмитдинова А. Х. Указ. соч. С. 43.

Nikita S. Savelev

Candidate of History Science, Institute of History, Language and Literature of the Ufa Federal Center of the RAS (Russia, Ufa)

E-mail: sns_1971@mail.ru

CHILD BURIALS OF THE SOUTH URALS NOMADS OF THE MID-FIRST MILLENNIUM BC

In the era of the early nomads it was only during the early Sarmatian period (the second half — the end of the 1st millennium BC) that all or most of the deceased children were buried in barrows. The previous and subsequent periods were characterized by extreme “under-representation” of child burials, which was due to the existence of alternative ways of burying the deceased children. The published complexes (Yumash-Tau-5 single mound and Ishkulovo-5 stone lining, mountain-steppe zone of the Southern Trans-Urals, Irendyk ridge) demonstrate that one of the most common options for child burials were small burial constructions, their characteristics are not different from the generally accepted standard of that period. Their features are: tendency to a single location, confinement to river terraces or low slopes within valleys, presence of at least several same-culture barrows and burial mounds, as well as settlement objects (sites). Thus, child burial constructions are situated within the “living space” of nomads. Difficulty in their finding is associated with small size and their being hardly noticeable, in case of stone-free constructions, any external signs are completely absent. It is shown that starting from the turn of the 5th and 4th centuries BC such sparse (network) location of child burials was being gradually replaced with the practice of burying children in barrows — family cemeteries. This tradition reaches its peak in the South Urals in the 3rd — 2nd centuries BC.

Keywords: *Savromatian-Sarmatian period, nomads, child burials, South Urals*

REFERENCES

- Balabanova M. A. [Chronological age and sex specifics within the Sarmatian groups structure in the Lower Volga region]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedeniye. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science journal of Volgograd state university. History. Area Studies. International Relations], 2009, no. 1 (15), pp. 5–12. (in Russ.).
- Balabanova M. A. [Sex and age structure and demographic indicators of the Sarmatian population of the Lower Volga region]. *Polovozrastnaya struktura sarmatskogo naseleniya Nizhnego Povolzh'ya: pogrebal'naya obryadnost' i antropologiya* [Sex and age structure of the Sarmatian population of the Lower Volga region: burial rites and anthropology]. Volgograd: Volgogradskiy filial FGBOU VO RANKhiGS Publ., 2015, pp. 116–145. (in Russ.).
- Balabanova M. A. [Morphology of child burials of early nomads in the Lower Volga region (based on materials of the burial mounds of early Sarmatian time)]. *Nizhnevolzhskiy Arkheologicheskii Vestnik* [The Lower Volga archaeological bulletin], 2017, vol. 16, no. 1, pp. 62–82. (in Russ.).
- Beisenov A. Z., Bazarbaeva G. A., Duisenbay D. B. [Children burials of the Saka times in Central Kazakhstan]. *Samarskiy nauchnyy vestnik* [Samara Journal of Science], 2017, vol. 6, no. 1 (18), pp. 89–94. (in Russ.).
- Berseneva N. A. *Sotsial'naya arkheologiya: Vozrast, gender i status v pogrebeniyakh sargatskoy kul'tury* [Social archaeology: Age, gender and status in the burials of the Sargat culture]. Ekaterinburg: UrO RAN Publ., 2011, 204 p. (in Russ.).
- Berseneva N. A., Gilmitdinova A. Kh. [Children's burials of the early nomads of the South Urals (4th–2nd centuries BC)]. *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii* [Bulletin of Archaeology, Anthropology and Ethnography], 2013, no. 2 (21), pp. 36–44. (in Russ.).
- Bytkovskii O. F. [Central Asian imprint in funeral rite of Southern Ural early nomads: by the materials of Svistunka burial ground I]. *Istoricheskiye, filosofskiy, politicheskiye i yuridicheskiye nauki, kul'turologiya i iskusstvovedeniye. Voprosy teorii i praktiki* [Historical, Philosophical, Political and Law Sciences, Culturology and Study of Art. Issues of Theory and Practice], 2012, no. 7–2 (21), pp. 38–44. (in Russ.).
- Gilmitdinova A. Kh. [Child burials of the early nomads in the Southern Trans-Urals (7th century BC — 2nd century AD)]. *Etnicheskiye vzaimodeystviya na Yuzhnom Urale* [Ethnic interactions in the South Urals]. Chelyabinsk: Rifej Publ., 2013, pp. 135–139. (in Russ.).
- Gilmitdinova A. Kh. [Paleodemography of the early nomads of the South Urals (on the materials of child burials)]. *Arkheologiya, etnologiya i antropologiya ATR. Mezhdistsiplinarnyy aspekt: materialy dokladov LIII Regional'noy (IX Vserossiyskoy s mezhdunarodnym uchastiyem) arkheologo-etnograficheskoy konf.*

studentov, aspirantov i molodykh uchenykh [Archaeology, ethnology and anthropology of the APR. Interdisciplinary aspect: materials of reports of the 53rd Regional (9th All-Russian with international participation) archaeological and ethnographic conf. of students, graduate students and young scientists]. Vladivostok: DVFU Publ., 2013, pp. 175–177. (in Russ.).

Klepikov V. M. [Burial rites in the Early Sarmatian time]. *Polovozrastnaya struktura sarmatskogo nasele-niya Nizhnego Povolzh'ya: pogrebal'naya obryadnost' i antropologiya* [Sex and age structure of the Sarmatian population of the Lower Volga region: burial rites and anthropology]. Volgograd: Volgogradskiy filial FGBOU VO RANKhiGS Publ., 2015, pp. 18–47. (in Russ.).

Pshenichnyuk A. Kh. *Filippovka: Nekropol' kochevoy znati IV veka do n. e. na Yuzhnom Urale* [Philippovka: Necropolis of the nomadic nobility of the 4th century BC in the South Urals]. Ufa: IYal UNTs RAN Publ., 2012, 280 p. (in Russ.).

Saveliev N. S. [On the question of the settlement monuments of the early nomads of the South Urals]. *Ufimskiy arkheologicheskiy vestnik* [Ufa Archaeological Bulletin], 1998, vol. 1, pp. 53–58. (in Russ.).

Saveliev N. S. [Mounds of Baishev Valley in the context of the cultural genesis of the early nomads of the South Urals]. *Rannesarmatskaya kul'tura: formirovaniye, razvitiye, khronologiya. Materialy IV mezhdunarodnoy konferentsii "Problemy sarmatskoy arkheologii i istorii"* [Early Sarmatian culture: formation, development, chronology. Proceedings of the 4th Intern. Conf. "Problems of Sarmatian Archeology and History"]. Samara: SNTs RAN Publ., 2000, vol. 1, pp. 41–52. (in Russ.).

Saveliev N. S. [Stone mounds of the eastern foothills of the South Urals and some issues of the Prokhorov culture formation]. *Ufimskiy arkheologicheskiy vestnik* [Ufa Archaeological Bulletin], 2000, vol. 2, pp. 17–48. (in Russ.).

Saveliev N. S. [Mountain-valley landscapes of the Irendyk ridge as a factor in the preservation of ethnocultural isolates in the early nomads era]. *Chelovek v prostranstve drevnikh kul'tur. Materialy userossiyskoy nauch. konf.* [Man in the space of ancient cultures. Materials of All-Russian scien. conf.]. Chelyabinsk: Tsentr "Arkaim" Publ., 2003, pp. 15–16. (in Russ.).

Saveliev N. S. [Barrow of the early nomads era Kushalykuak-1 in the eastern foothills of the Irendyk ridge]. *Yuzhnyy Ural i sopredel'nyye territorii v skifo-sarmatskoye vremya* [South Urals and adjacent territories in the Scythian-Sarmatian time]. Ufa: Gilem Publ., 2006, pp. 92–104. (in Russ.).

Saveliev N. S. [Small religious objects of the South Urals: from archeology to ethnographic modernity]. *Dokumenty i materialy po istorii bashkirskogo naroda (s drevneyshikh vremen do serediny XVI v.)* [Documents and materials on the history of the Bashkir people (from ancient times to the middle of the 16th century)]. Ufa: IYal UNTs RAN Publ., 2012, pp. 128–166; 282–293; 311–319. (in Russ.).

Saveliev N. S. [Settlements of the early Saka time of the Southern Trans-Urals]. *Sakskaya kul'tura Saryarki v kontekste izucheniya etnosotsiokul'turnykh protsessov stepnoy Evrazii* [Saka culture of Saryarka in the context of studying the ethnosocial and cultural processes of the steppe Eurasia]. Almaty: NITsIA "Begazy-Tasmola" Publ., 2015, pp. 246–254. (in Russ.).

Svod arkheologicheskikh pamyatnikov Respubliki Bashkortostan, vyyavlennykh v 1987–2000 godakh [Collection of archaeological monuments of the Bashkortostan Republic, discovered in 1987–2000]. Ufa: Informreklama Publ., 2004, 184 p. (in Russ.).

Suvorova A. S. [The Buryats' forms of burial]. *Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta* [The Buryat State University Bulletin], 2012, no. 14, pp. 160–164. (in Russ.).

Fedorov V. K., Vasilyev V. N. [Burial ground of the early nomads Cossack Mar in the Eastern Orenburg region]. *Etnicheskiye vzaimodeystviya na Yuzhnom Urale. Sarmaty i ikh okruzheniye: materialy VII Vserossiyskoy (s mezhdunar. uchastiyem) nauch. konf.* [Ethnic interactions in the South Urals. Sarmatians and their environment: materials of the 7th All-Russian (with intern. participation) scien. conf.]. Chelyabinsk: GIM Yuzhnogo Urala Publ., 2017, pp. 148–156. (in Russ.).

Sharapova S. V. [Bioarchaeology of the Trans-Uralian and West Siberia forest-steppe population (Sargat culture)]. *Stratum plus. Arkheologiya i kul'turnaya antropologiya* [Stratum plus. Archaeology and Cultural Anthropology], 2018, no. 3, pp. 323–350. (in Russ.).

Shevnina I. V., Seitov A. M. [Child burial of the early Iron Age from Turgai]. *Voskhozhdeniye k vershinam arkheologii: sbornik materialov mezhdunar. nauch. konf. "Drevniye i srednevekovyye gosudarstva na territorii Kazakhstana"* [Ascent to the heights of archaeology: a collection of materials of the international scien. conf. "Ancient and Medieval States in the territory of Kazakhstan"]. Almaty: Institut arkheologii Publ., 2014, pp. 273–282. (in Russ.).